

АГЛАЯ
НАБАТНИКОВА

РЕХИЛЛИНГ

р а с с к а з ы

Аглая Набатникова
Рехилинг (сборник)

«Алетейя»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Набатникова А.

Рехилинг (сборник) / А. Набатникова — «Алетейя», 2018

ISBN 978-5-907030-45-9

Героини рассказов Аглаи Набатниковой с присущей её поколению раскованностью исследуют мир, в котором хорошо понимают и ценят главным образом художественную сторону, чаще всего героиня имеет творческую профессию. Эта раскрепощённая молодёжь, полная самоиронии, но без комплекса неполноценности, имеет возможность путешествовать, пусть и с тощим кошельком, и уже знает, как распорядиться той свободой, которая влечёт за собой ответственность выбора: ведь больше не с кого спросить за свою судьбу, кроме как с себя самого.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907030-45-9

© Набатникова А., 2018

© Алетейя, 2018

Содержание

Панки в песках	6
День города	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Аглая Набатникова

Рехилинг (сборник)

© А. Набатникова, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

Панки в песках

Солнце не помогало. Врач обещал: если я буду загорать и плавать, эти ужасные шелушащиеся пятна под грудью пройдут. Ну и что? Я уже три дня лежала до обеда у Голубой Лагуны, выставляя на всеобщее обозрение свой позор.

Между прочим, рядом часто оказывались девочки из Москвы, которые, ни много ни мало, были здесь, в Дахабе, дауншифтерами. Я про себя называла их кумушками. Кумушки красили свои длинные ногти цветным блестящим лаком и курили сигареты. К середине дня они как раз выползали на воздух, щуря заспанные глаза. Ночь проходила у кумушек в компьютерных играх. На пляже они даже не снимали куртки, зимой в Синайской пустыне ветрено. Разумеется, с таким содержанием жизни сплетни были для них животворящей водой. А тут я – знакомая из Москвы, из одной с ними тусовки, высокомерная и красивая, и вот, пожалуйста, проблемы с кожей. Теперь об этом узнают все. Но я не пряталась. Трус я или нет?

Врач обманул, и, похоже, вся эта смелость ни к чему не вела. Плавая в Красном море, я просила воду очистить меня, к тому же я решила войти в голод.

К моему лежаку подошёл довольно красивый молодой араб и пригласил меня на свидание. Я обалдела. Он что, не видит, что с моим животом? Похоже, ему было решительно всё равно. Я даже не поняла, откуда он здесь взялся, видимо, проходил по дороге у пляжа, увидел меня и подошёл. Его лицо показалось мне знакомым. Поймав пристальные взгляды кумушек, я возликовала. Один ноль в мою пользу. Я вежливо отказала парню. Наверное, застеснялась. Но предложение меня взбодрило. Я смотрела вслед долговязому, он обернулся и засветил вспышкой зубов.

Вы будете смеяться, но женщин всего мира всегда интересуется частная жизнь: ценность на рынке невест, счастье в браке, товарный вид, но уж никак не карьера и не достижения в науке и искусстве. Такие вещи остаются для каждой женщины глубоко личными. Занимайся чем тебе нравится, но условных кумушек всегда будет волновать, как ты выглядишь и как обстоят дела в твоей постели: не плачешь ли ты в подушку.

Мне было в пору плакать в подушку, у меня не было ни мужа, ни детей, ни даже хотя бы бойфренда. Я занималась кинематографической карьерой, работая на двух-трёх заказных фильмах одновременно то режиссёром, то монтажёром, о творчестве речь так и не шла, деньги я тратила на периодические путешествия, дико уставала и очевидно подорвала здоровье.

В этот маленький дайверский посёлок я приехала на неделю уже после визита в Каир. Я представляла свой короткометражный фильм на небольшом фестивале, который какие-то англичане решили организовать на берегах Нила. По сути я хотела отдохнуть от сидения в четырёх стенах московской монтажки в окружении большого количества мониторов и аппаратуры. Моя бледная кожа пошла пятнами без солнца, в ушах жужжало, продюсер и режиссёр измотали мои нервы интригами и дурной организацией, кажется, я уже даже была уволена.

Тем же вечером, облачившись в чёрные шёлковые одежды под ветровку – в двадцать пять хочется быть роковой женщиной – и украсив себя длинными тяжёлыми серьгами, я навестила центр сельской светской жизни – клуб шишамана Карима. Это была лавка с кальянами и сувенирными тряпками; люди тянулись сюда якобы покурить лучший кальян – шишу, а на деле узнать все новости и потусоваться.

Карим рассказал, что сегодня в Дахабе умерла пожилая женщина-дайвер. То ли на входе, то ли на выходе из моря отказало сердце.

– Ещё утром она шла мимо моего магазина со снаряжением и говорила мне «Хай», – сокрушался Карим.

Впрочем, на его жизнелюбии это не могло сказаться – Карим был весёлым парнем под тридцать, с круглым румяным лицом и упитанным телом. Его семья – многочисленные дядья – владела в Дахабе отелями и магазинами, золотой милей, и дела шли в гору.

Сегодня в посёлке праздновали свадьбу, Карим не упустил шанса упрекнуть жениха в неразборчивости. У невесты слишком крупный зад, объяснил Карим.

– У тебя «попка», – сказал он радостно по-русски, – а у неё «жёпа», – завершил он, победоносно глядя на меня.

Карим гордился умением поддержать беседу на русском.

Вообще, женихам тут приходилось несладко – женщина стоила дорого, и на калым простому человеку нужно было копить много лет. Пока накапливался капитал, горячие восточные мужчины хранили вынужденную девственность; проституция была здесь, в традиционной среде, крайне опасна.

Не санкционированные браком сексуальные отношения считались преступлением и карались полицией.

Парадоксально: мне, молодой, феминистски настроенной особе казалось, что тут, в царстве «угнетения женских прав» всё устроено вполне удобно для женщины. Деньги, которые выплачивались невесте на свадьбу, служили её страховкой, и если муж козлил, можно было уйти, забрав своё. Не говоря уже о том, что с любой внешностью ты гарантированно получала любвеобильного и непьющего мужа. Однако, все арабы мечтали жениться не на своих подругах, а на белой женщине, чтобы она «учила детей чистить зубы». Чему учат детей арабские женщины, было страшно подумать, хотя египтяне выглядели цветущей нацией, сияя крепкими белыми зубами.

Карим перевёл разговор на мои планы, у нас была игра: он намекал, что равнодушен ко мне, и ждал от меня приглашения в гости, я якобы не понимала намёка. Впрочем, игра была деликатной.

Зазвенел колокольчик: в шишаманную ворвалась шумная компания из четырёх человек. Это были трое туристов с обветренными лицами – два парня и девушка – и мой новый знакомый с Голубой Лагуны, тёмно-шоколадный араб с ядрёными белками глаз – все были одеты по-спортивному, но модно и с лёгкой небрежностью, что выдавало в них людей со вкусом, живущих полной жизнью. Шоколадный приветственно кивнул мне, сходу схватил с прилавка большой там-там и начал бешено выколачивать ритм. Карим смотрел на своих друзей одобрительно.

Девушка и оба парня пошли в пляс. Я присматривалась к «цыганам», поддёргиваясь под барабан на месте. Девушке было лет двадцать, густые вьющиеся волосы длиной до пояса были распущены, крепкий загар оттенял ясные голубые глаза на круглом, как у матрёшки, лице. Очевидно, она была русской. Двигалась матрёшка ловко и с удовольствием, смотрела немного заносчиво, как человек, который живёт здесь давно и относит себя к сливкам общества. На ней была тёмная толстовка с капюшоном и повидавшие виды брюки сафари, из чего я заключила, что снобизм девушки имеет спортивное происхождение: так военные смотрят на неуклюжих гражданских. Второй участник танцевального номера был невысокий худой европеец лет тридцати, в очках и дурацкой вязаной шапочке: имидж фрика позволял ему одеваться инфантильно, в оранжевый и ультрамарин; третий, мужчина в чёрном, с выгоревшими до белизны волосами, был немолод, около пятидесяти, но обладал сильным и привлекательным телом. У него была фигура наездника или боксёра: невысокий рост, компактное, хорошо скоординированное тело с развитыми мышцами. В прозрачных зелёных глазах светились интеллект и жестокость, взгляд цеплялся за людей и просвечивал рентгеном. На меня он не обратил внимания. Я немедленно окрестила его «плейбоем».

Карим сообщил мне, что это звёзды местной винд-сёрферской станции, девушка – инструктор, а её белые спутники – лучшие в деле.

Плейбой обратился к своему шоколадному другу по-английски с просьбой потанцевать для нас, как он умеет. Шоколадный бросил барабан, встал и ослепительно улыбнулся. Карим сел на замену музыканту, матрёшка и фрик расселись на креслах напротив и закурили кальян.

Шоколадный то ли был наполовину негром, всё-таки мы находились на африканском континенте, то ли бедуином, то ли просто загорел как уголёк на открытом солнце. Он начал идти круг за кругом, размахивая руками и всё с большей страстью погружаясь в музыку. Арабы рождены на свет, чтобы танцевать, и этот был не исключение. Тонкая блестящая маечка из какой-то физиологичной химии, которую так любят спортсмены, облегла мощную спину. Он был долговязым, с приподнятым плечевым поясом, как птица, готовая взлететь. Под смоляными кудрями блеснул пот: он весь источал восторг от жизни, экзальтацию. В танце он много раз начинал прикрикивать от избытка чувств. Крупные лошадиные зубы и белки глаз сияли.

Я засмеялась и начала аплодировать. Плейбой сел рядом со мной, невзначай коснувшись меня бедром. Я обратила внимание: он любовался другом и даже не смотрел в мою сторону. Его поведение походило на изощрённый флирт, который практикуют опытные ловеласы.

На мусульманском курорте, где тестостерон разлит в воздухе, густой как сметана, я со своими большими глазами и стройной фигурой привыкла быть в центре внимания. Игнор цеплял моё самолюбие как крючок.

Плейбой дал команду закругляться, и мы уселись пить чай. В своей группе он был главным.

Для знакомства я затеяла свою любимую игру, секрет которой в том, что ты наблюдателен, а другие люди нет, и твои выводы о них кажутся им магией; это отличный аттракцион.

Матрёшку звали Таня Журавлёва, была она из города Ейска на берегу Азовского моря, там она выросла под парусом и стала чемпионом по винд-сёрфингу. Самая крутая девчонка в городе. Оглядывая помещение лавки, Таня обратила внимание на африканскую маску из дерева на стене и произвольным движением вскинула руку с поднятым большим пальцем, прищурилась. Я знала это движение – ученики художественной школы прикидывают так пропорции объекта, который рисуют.

Плейбой представился – его звали Казимир, он был из Польши. Судя по притопам и прихлопам во время танца, он был профессиональным музыкантом. У музыкантов восприятие мелодии как родной среды, их нельзя назвать равнодушными, но для них музыка – это не праздник, как для простого человека, а дом. Я спросила Казимира, на каком инструменте он играет.

– Я вижу, что ты музыкант.

Он с любопытством посмотрел на меня, внезапно зафиксировав яркими зелёными глазами в обрамлении благородных морщинок.

– Я не музыкант, ты ошиблась, – сказал он.

Я смиренно кивнула. Таня, которую я незадолго до этого спросила, заканчивала ли она художественную школу, смотрела на меня в полном недоумении.

Люди настолько невнимательны друг к другу – они внимательны к погоде, к кошкам под ногами, к приготовлению пищи, – и подробности их социального портрета кажутся им интимной и неприкосновенной территорией, хотя они и «валяются» снаружи. В данном случае ребята поняли: я что-то о них знаю, и инстинктивно напрягались, как напрягается большинство людей от пристального взгляда. Интерес к людям считается в нормальном обществе подозрительным.

Мы попрощались с Каримом: я получила приглашение присоединиться к компании в поездке на свадьбу. Таня была за рулём. Мы попробовали забиться в тесную, заваленную хламом пыльную развалюху. Таня арендовала её у туземного приятеля, который тут же появился откуда ни возьмись, толстый, в расстёгнутой рубашке, с ящиком пива – он должен был показывать нам дорогу. Лысый проводник сел впереди, а мы четвером: я, Казимир, итальянец Пауло

и шоколадный танцор плотно переплелись, кто сидя, кто лёжа, потеряв, где верх и низ, на заднем сиденье. Двери не очень хорошо закрывались; с радостными криками мы понеслись по пустыне. Машину круто заносило на виражах. Мои новые друзья были экстремалами, Татьяна пила за рулём прямо из горла, а мы подбадривали себя песнями.

Я поневоле прижималась ногами к бёдрам Казимира в штанах карго. Мне показалось, что у нас случился резонанс, он заволновался. Он наклонился и зашептал мне на ухо:

– Я играю на трубе. Я учился в джазовом колледже, но потом бросил. Поэтому я не называю себя музыкантом. Я обманул тебя, мне было интересно, что ты сделаешь.

Я промолчала.

Мы выехали на просёлочную дорогу: через полотно было перекинута надувное резиновое коромысло в виде дракона, трепыхавшееся на ветру. Мы поняли, что это указатель пути на деревенский праздник. Вывалившись из машины, мы нестройной цепочкой потянулись ко входу по серой пыли. Наш лысый сталкер убежал с угощением вперёд.

На самой свадьбе всё было увешано гирляндами, они и освещали трапезу под открытым небом: в зонах мужчин и женщин стояли десятки столов, дети бегали и там, и там. Нас с Танюшкой-матрёшкой определили в женскую половину и предложили мясо с овощами. Появление белых гостей-туристов привлекло внимание, среди местных мы были одни. Надо было поесть, чтобы не обидеть хлебосольных хозяев, но я решила, что буду голодать, пока не выздоровею. Пришлось делать вид, что я ем, на деле кидая кусочки собаке под столом: пусть и она погуляет на свадьбе.

Мы пошли к общей сцене, где на стульях восседали жених с невестой – как на троне в детской постановке Шекспира. Невеста была той самой красавицей, о которой говорил Карим: весила она килограммов сто, а возможно и больше, сидела, умотанная как мумия в длинный белый тюль с ног до головы. Карим неточно описал её внешность: величина её задницы в целом была не важна, она была равномерно изобильна со всех сторон. Невеста очаровательно улыбалась толстыми накрашенными розовым губами. Жених сидел смущённый, с выступившими слезами счастья и перевозбуждения. Он был худеньким, коротко стриженным человеком лет тридцати, тщательно одетым в хороший костюм, с белыми цветами, приколотыми на лацкан.

Вот и дождался он своей сексуальной жизни – порадовалась я за него. Деревенские танцевали под живую музыку, на земле лежали собаки.

Нас с Таней вывели на место перед сценой деревенские женщины, укутанные в хиджабы, за полы их одежды цеплялись дети. Дети радостно хохотали, запрокидывая голову. Женщины собрались вокруг нас и стали хлопать. Видимо, нас просили станцевать, и мы с Таней послушались. Таня воздела руки, завертела запястьями, одновременно вращаясь вокруг своей оси, притопывая в ритм. Её хрустально-голубые глаза кокетливо опустились долу, волнистые светлые волосы разметались по плечам. Она больше не была спортсменкой и «своим в доску парнем», во всех движениях проступила нежность и желание нравиться. Я всю вертела плечами, мои волосы тоже были светлы и кудрявы, а глаза как серый халцедон. Мы выглядели экзотическими цветами среди тёмной кожи, блестящих маслин глаз, грубых одежд, все женщины, окружившие нас, были меньше нас ростом, хотя мы обе не превышали метра шестидесяти пяти.

Наш танец был лёгок, но мы не чувствовали ни зависти этих женщин к нашей красоте и экзотичности, ни малейшего раздражения от того, что мы забрали всё внимание на празднике. Деревенский люд источал лишь радость от мгновения жизни, чистую радость человека, который недавно пришёл в мир и восхищается им. Мы в эпохе невинности, поняла я.

Рядом появился Казимир и остальные наши товарищи. Они создали вокруг нас круг, включились в танец и растворились в веселье. Паоло глупо прыгал, шоколадный начал брейк-данс. Это был триумф нашей с Таней женской роли – приятно, когда вокруг самок начинается мужской ажиотаж. Казимир бросал на меня внимательные взгляды. Возможно, он разделял мои впечатления от мира предков, в котором мы оказались. Он хорошо и свободно двигался:

поляк был по-настоящему красив, эстетически безупречен. Мне бы хотелось быть таким мужчиной, как он.

Я вышла за ворота и побрела к дракону, который болтался на ветру. Казимир вышел за мной. Он тоже стал обнимать резиновое туловище дракона, задирая ноги в качестве шутки. Я смеялась.

– Пойдём поужинаем завтра – сказал он.

Казимир казался равнодушным, когда говорил это.

– Да, можно. – Конечно, я не могла отказаться от предложения рассмотреть его поближе. – Я тебе нравлюсь? – уточнила я.

– Ты хорошо танцуешь.

Я вспомнила, что собиралась проголодать ещё два дня.

– Давай пойдём в рыбный ресторан. Я люблю рыбу.

– Именно туда я и хотел тебя пригласить, но только пойдём в деревенский, куда хожу я.

– Как угодно.

Пришли наши друзья, мы снова забрались в машину. На этот раз по дороге мы молчали: после соприкосновения с дикой природой мы все почувствовали своё несовершенство. Мы сидели в тесном пространстве внутри автомобиля, наши руки и ноги переплетались от тесноты, наши дыхания были слышны соседу, но мы не любили друг друга. Внутренне мы были в тысяче километров друг от друга, защищены плотной стеной своей индивидуальности. У деревенских жителей почти не было индивидуальности, это было дышащее море коллектива, но это море было любовью и верой в мир. Мы же сидели каждый в своём пучке программ и идей, объединённые неким умозрительным гуманизмом, который заменил любовь. С жестокостью человека к человеку, с глубиной его погружения в себя ушло и чувство безопасности в стае.

Я не знаю, на каких ресурсах я продержалась весь праздник. Голод даёт какую-то изменённую реальность, прилив сил – вот да! – как будто ты на скорости, принял наркотик-стимулятор. Я летела на этом пинке ещё долго. Однако дома, в дешёвом отеле я захотела есть и спать одновременно, упав без сил на сыроватое скомканное бельё, на одну из двух кроватей, стоящих у меня в номере.

* * *

Голод мне не помог. Три дня страданий: только вода и какой-то фруктовый смузи сегодня утром; а на животе всё так же были пятна, они не уменьшились ни на миллиметр и даже не перестали шелушиться! Я цеплялась за прежнюю жизнь, но налицо были изменения в моём теле, которые не удастся игнорировать долго.

Проблемы напоздали на меня, пытаюсь физически растворить.

Я думала о духовной стороне реальности – она приносит нам ответ на наши желания и представления. Если мы хотим страдать, то мы будем страдать. А если так, то зачем ещё и терзать себя голодом. Напротив, надо продолжать пир.

* * *

Посреди пустыни, на пути к морю был небольшой мелководный залив. Мимо шла насыпь, искусственная дорога. Этот залив облюбовали самые крутые из здешних экстремалов – кайтеры. Это люди, стоявшие на доске, прикреплённой верёвкой к парашюту. Бешеный ветер пустыни гонял их по глади залива на огромной скорости.

Из местных развлечений винд-сёрфинг – это эмбиент или, может быть, джаз; дайвинг – это психоделик-транс, а кайтинг – это старый добрый Prodigy: биг-бит.

Don't no good for me, I don't need nobody, don't need no one, that's not good for me!

Панки в песках.

Несколько человек носились на разноцветных воздушных змеях в своих модных гидрокостюмах – резиновых футболках и шортах, на ногах специальные тапочки. На берегу сидели ещё несколько одуревших от счастья дауншифтеров-спортсменов и пили алкогольные коктейли из железных банок.

Я села неподалёку в позу лотоса и начала медитировать с открытыми глазами. В этом месте была временная дыра: полностью исчезала линейная человеческая категория времени, казалось, тут царит вечность; созерцательность проникала в клетки моего тела.

Мимо проехала юная девушка на породистой белой лошади, без седла. На ней было дикарское короткое платье из некрашеной холстины, спутанные волосы мотались по плечам. От этой картины посреди залитой светом пустыни мне стало хорошо.

Карим говорил, что эта хиппанка – наследница большого состояния, её мать, олигархиня из Франции, владеет большой конюшней в Дахабе, это было их миллионерское хобби. Однако про себя я эту девушку называла Потеряшка. Сейчас она разговаривала с какими-то пешими бедными арабами, возможно, своими конюхами. Потеряшка странно смеялась, невзначай порождая ненужные импульсы у мужчин; я думаю, что, несмотря на образ распущенной дикарки, она была девственницей или даже имела проблемы с психикой. Кто знает, может быть, под платьем с бахромистой кромкой подола у неё даже не было белья.

Потеряшка объезжала на лошади забор, уходящий в море, его ещё можно было обойти вброд, чтобы попасть на те пляжи, где обосновалось другое племя – винд-сёрферы.

Я отряхнула с юбки песок и двинулась за ней.

Вдруг меня окликнули. Я повернулась и увидела моего шоколадного знакомого, глаза у него были бешеные как у быка, лицо и руки в каплях морской воды вперемешку с крупным потом – он оставил свою доску с парашютом на берегу. Я давно заметила, как инстинктивны арабы. Их секс настолько обострён, что достаточно одного твоего случайного взгляда на другой конец танцпола, чтобы через пять минут объект уже стоял рядом. В данном случае у края забора, отгораживающего озеро кайтеров, скопились сразу две сучки: я, голыми ногами в воде, и Леди Годива местного разлива. Шоколадный возбуждённо дышал и при этом не мог подобрать слова от напряжения, просто улыбался, разглядывая меня, главным образом, мою грудь в белой майке. Лифчики, сбрую, я презирала и почти никогда не использовала.

Он предложил мне кока-колы или перенести меня на руках на ту сторону, чтобы я не поранила ноги о камни в воде. Я согласилась на руки.

Казимир был хотя и сильным, но рафинированным мужчиной. Здесь же я имела дело с мощным как горная река чистым инстинктом, не отягощенным рефлексиями.

– Как дела у Казимира? – спросила я.

– О, у Казимира отлично! – арабу не была интересна эта тема.

Что ж, хорошо, значит, он не знает, что Казимир за мной приударил. А может, это просто не имело значения.

– Ты ещё долго здесь? – о, этот стандартный вопрос одинокой девушке на отдыхе. Расшифровывается так: сколько у меня ещё есть времени, чтобы тебя трахнуть?

Банальность реплики немедленно сделала моего нового кавалера скучным. Хотя жар от него шёл как от печки.

Женское желание – вопрос несущественный. Каковы шансы – неважно. Главное – сколько есть времени на охоту?

Мне хотелось сказать – для тебя без вариантов, но я соврала.

Сегодня был мой последний день в Дахабе, ставить Шоколадного перед этим фактом не стоило. Мужчине комфортнее, когда у него всё впереди. Про ужин с Казимиром я также промолчала, дабы не разжигать подспудных конфликтов.

Шоколадный поставил меня на землю, и ушёл, сверкнув на прощание глазами. Я унесла на теле след мужских вибрирующих желанием рук, это было сладкое ощущение, хотя мужчина мне не то чтобы нравился.

На лежаках у русской сёрферской станции восседали кумушки, разумеется, с семечками или чипсами, короче, какой-то мелкой шнягой, олицетворявшей их мусорные мысли. Опустив свои тёмные очки, они вглядывались в мой приближающийся силуэт. Скорее всего, моё прощание с широкоплечим кайтером не ускользнуло от их внимания, несмотря на песчаную завесу в воздухе. Два один в мою пользу, поняла я.

Действительно, приятно убедить кого-то, что быть привлекательной – это вовсе не значит иметь идеальную кожу, здоровье и даже совершенно необязательно закачивать себе в грудь силикон.

* * *

Журавлёва проводила на берегу инструктаж, она была продвинутым тренером и работала только с теми, кто уже хорошо ходит по морю на парусе. Пауло раздевался, он только что вернулся из многочасового заплыва. Говорят, винд-сёрфинг – это тоже медитация, ты теряешься во времени и пространстве, не чувствуешь ни почвы под ногами, ни границ разума.

Пауло принял душ на берегу, и мы уселись с ним за большой деревянный стол под навесом. К нам подтянулась Журавлёва, она принесла домашний салат оливье в двух пластиковых контейнерах: у простых русских девушек всегда есть привычка готовить. Я отказалась от еды. Голод ещё держал меня. Резкий солнечный свет и колебания реальности в волнах жара ощущались совершенно отстранённо, как будто я приняла волшебные грибы. Голод – это дверь в другую реальность, каждый ходит своим путём.

Я попросила ребят рассказать мне, как они здесь оказались.

Как я и предполагала, Журавлёва поведала мне историю несчастной любви. У неё был долгий роман с гитаристом блэк-металлической группы. Провинциальные люди в России часто начинают жить вместе уже с семнадцати лет, но не женятся. Журавлёва ездила с другом по гастролям и кидалась пасхальными яйцами в стены, грязно ругаясь на христианство. Она так влюбилась, что бросила спорт, растворилась в любимом и, видимо, страшно ему надоела. В какой-то момент парень начал её бить, прогнал, и Журавлёва не понимала, как ей жить дальше. Тут как раз предложили поработать инструктором в Египте на русской станции. Всегда мрачное настроение красавицы Журавлёвой объяснялось тем, что она давала сигнал окружающим мужчинам: её сердце навсегда разбито, и никого она больше не подпустит близко. То, что рядом постоянно был пристяжной «Пьеро» – Пауло, её не смущало, так как его она упорно считала просто другом. Сейчас в качестве Внутреннего Движения Сопротивления Прошлому Журавлёва планировала печь пасхальные куличи.

Ребята позиционировали себя как соседи по квартире, говорили, что оба разочарованы и не хотят отношений, но в выходные путешествовали по Египту вдвоём, катались на сёрфе вместе, держали общий быт. Журавлёва почти не говорила по-английски, объясняла свои мысли Пауло, начиная любую фразу одинаково: "This shit", называя «этим дерьмом» любой предмет или явление. Например: у нас в России this shit – это важный религиозный артефакт, – потрясала она пасхальным куличом, похожим на кекс из кафе. Пауло внимательно слушал и, кажется, всё понимал.

Классовые различия не мешали ребятам смеяться хором с утра до вечера.

Пауло очутился на территории мистического Синая, скрываясь от давления своей семьи. Он был из рода венецианской знати, которая занималась торговлей, сам же он не хотел участвовать в бизнесе родителей, к тому же бежал от любовной истории, о которой предпочитал молчать. Кто знает, может быть, его заставляли жениться ради какого-нибудь торгового союза.

В итоге он был перекаати-полем, без роду без племени, айтишник в дурацкой шапочке, который каждый день на несколько часов уходит в море.

Все мы здесь были эскапистами, пытавшимися на время выйти из социальной матрицы и перезагрузить жизнь.

* * *

Я шла променадной дорогой – по квадратным плитам, выложенным в песке, под фигурными фонарями на столбах. По одну сторону море, по другую – все дома посёлка Дахаб. Пустыня погружалась в синие сумерки. Путь мой лежал мимо танцевального клуба. У входа стоял Шоколадный. Он очень обрадовался: наверное, давно меня ждал. Похоже, он решил взять быка за рога. Интуиция подсказывала ему, что времени у него немного. Прекрасно, я ценю в людях тонкую интуицию. Мы пошли дальше вместе.

Я решила сделать ему приятное.

– У тебя необычный стиль. Ты одеваешься не как местные.

– Да, я учился в Дании.

– Чему же там учат?

– Я танцевал брейк-данс.

– Я видела, как ты танцуешь, в прошлом году, когда была здесь.

– Да, я тоже тебя запомнил. Но ты была с другим.

– Да.

– Ты пойдёшь со мной сегодня в клуб?

Ветер дул всё сильнее, песок царапал кожу и засыпал глаза. Я ничего не ответила спутнику и только засмеялась.

– Мы будем танцевать, а потом пойдём гулять в пустыню.

Он остановился и взял меня за руки, потом нашёл мой взгляд.

– Обещай, что наденешь короткую юбку.

Его откровенность хлестнула меня как удар, дыхание остановилось, к лицу прилила кровь. Это было унижительно, но страшно понравилось мне.

Я могла бы уточнить, «зачем мне надевать короткую юбку», сделав вид, что мы светски беседуем и у нас дистанция. Но я не стала.

Унижение нравится женщинам, если быть честными с собой. Борьба за независимость – это и борьба с собой тоже.

* * *

Ветер дул сильно, мелкий песок был колючий; продавцы убрали свои позолоченные узоры полотнища внутрь магазинов. Карим стоял снаружи, у своей лавки, одетый в тёплую куртку, и наблюдал, как я медленно приближаюсь в паре с Шоколадным. Лицо Карима выражало сдерживаемую ярость. Очевидно, причиной его чувств была я: в прошлый раз он был с Шоколадным приветлив. Мы остановились. Мужчины обменялись рукопожатиями. Этот жест всегда меня восхищал, главным образом тем, что символизирует уважение, но может означать что угодно, например, вызов и манифестацию соперничества.

К белым мужчинам Карим не выказывал признаков ревности, но конкурент из местных задевал его достоинство.

– Хорошая погода для прогулки, – сказал Карим.

– Сегодня в клубе отличная вечеринка, ты не хочешь пойти? – я улыбалась сладчайшей из моих улыбок, уравновешивая сарказм и дурное настроение Карима.

Шоколадный отвернулся.

– Что за вечеринка? – Карим немного смягчился, видимо, догадался, что позиции мои ещё не определились, и я пока не осчастливила конкурента.

Карим был гением дипломатии, но сейчас не скрывал своих чувств. Всем своим видом давая мне понять, что я совершаю ошибку.

– Всё равно сегодня нет покупателей, тебе нечем заняться, – ягнула свою наивную линию, «включила дуру в электросеть». – Мы будем так рады, если ты пойдёшь с нами!

– Сколько стоит билет? – похоже, мне удалось слегка смягчить его сердце.

– Триста паундов. – Это была первая реплика Шоколадного. Он тоже не был в восторге от нашей беседы, но держался независимо и на гневные стрелы Каримовых взглядов отвечал равнодушием.

– Что? Нет. Я не пойду на вечеринку за триста паундов. Для кого эта цена? – снова взбрыкнул гордец.

Похоже, Карим ставил своё достоинство Принца Дахаба выше моего общества, что, конечно, его украсило.

– Я могу договориться, тебе сделают скидку, – Шоколадный слегка глумился над Каримом. Европейец бы не понял ситуации и, возможно, даже подумал, что Шоколадный предлагает помощь, но я как женщина из патриархальной России видела, что один араб унижает другого намёком, что у того недостаточно денег и за него надо просить.

– Нет, – Карим развернулся и резким жестом открыл дверь в свою лавку.

– Карим! Ты закроешь магазин? Я хотела зайти! – крикнула я вдогонку.

– Закрою, не приходи. Я хочу спать, – Карим кивнул мне на прощание.

Оставшись вдвоём на улице, мы с Шоколадным танцором переглянулись. Он был искренне рад отступлению противника.

– Я никуда не пойду, – твёрдо сказала я. – Я забыла, у меня встреча сегодня.

Танцор молча кивнул и, сунув руки в карманы, вразвалочку направился обратно к клубу.

* * *

Переодевшись в белое и накрасившись, я вернулась. В лавке Карима было темно, похоже, он никого не ждал. Мы с Казимиром договорились встретиться здесь, поскольку мы оба знали это место. Я осторожно зашла внутрь. Карим расслабленно лежал на софе в углу, полностью одетый. Глаза у него смеялись.

– А вот и ты.

– Ага.

– Ты одна?

– Как видишь.

– Собираешься на свидание?

– Да, в рыбный ресторан.

– Куда именно? Там, где ты была вчера?

– Я вижу, у тебя всё под контролем.

– Даже у стен есть уши!

– Нет, какой-то местный ресторан, в деревне.

– О, я понял, ты идёшь с Казимиром!

Карим начал хохотать и даже сел на софе, плед сполз с его плеч.

– Почему ты так меня расстраиваешь? Ты всё время выбираешь не тех мужчин.

– Карим, научи меня выбирать правильных, я сама страдаю.

– Казимир меняет женщину два раза в неделю. Он всегда ведёт её в тот рыбный ресторан в деревне. Его тут все знают!

– Карим, но я не собираюсь за него замуж, мне просто интересно.

– Я знаю, тебе не нужен муж, ты большой начальник, у тебя два ассистента.
Карим показал, как я говорю по телефону.

Я расхохоталась.

– Карим, это мои товарищи, я давала указания, как закрыть проект, ведь меня уволили.

А вторая девочка – подруга, она помогает мне с фестивалями.

– О, не ври, ты большой человек.

– Я одинокий человек. Вообще, я болею и не могу выздороветь.

– Что с тобой?

– Я покрылась пятнами. Смотри. – Я задрала кофту и показала живот в области рёбер под грудью.

– Тут ничего не видно.

Карим погладил мой живот. Это был абсолютно братский жест.

– Нельзя быть всегда такой красивой.

– Спасибо, Карим.

– Иногда что-то идёт не так, чтобы мы учили урок.

Над входом прогремел колокольчик, это зашёл Казимир. Он как всегда был в чёрном.

Моё любимое рукопожатие мужчин.

– Как дела?

– Всё лучше и лучше. Прибыль растёт.

– Очень хорошо. Ты готова? – Казимир наконец обратил на меня внимание.

Плейбойские приёмы, отметила я.

Карим хитро смотрел на меня, покачивая головой.

* * *

Деревенский ресторан представлял собой небольшой сарайчик, в котором размещалась пластиковая стойка с ободранной клеёнкой для хозяев, с работающим над ней телевизором и два низких стола с разбросанными вокруг грязными подушками. Виден был вход в кухню, оттуда доносился грохот кастрюль. Телевизор демонстрировал египетский сериал про любовные страсти, артисты кричали и размахивали руками. Компенсировать колорит этого места могла только чудесная гастрономия. Я затаилась и наблюдала за Казимиром.

Он широким жестом подозвал хозяина – замащенного толстяка в грязной майке. Заказал всё самое лучшее – суп из морепродуктов для меня, какие-то лепёшки и жареную рыбу себе. У меня он даже не спросил, чего бы мне хотелось.

Девушкам не рекомендуется ходить на первое свидание в рыбный ресторан, потому что сложно есть рыбу с кучей костей и выплёвывать их на тарелку оставаясь при этом загадочной. Но в данном случае я понимала, что я лишь ассистент фокусника, и как таковой фокус не на мне. Поэтому я спокойно обсасывала креветок, выкладывая их панцири и усы на салфетку, складировала рядом кости, продолжая лучезарно улыбаться и молча кивать Казимиру. Кажется, он рассказывал о достоинствах местной кухни. Я ничего особенного не заметила – продукты были свежими, но думать, в каких санитарных условиях они готовились, мне не хотелось. Стоил наш ужин сущие копейки. Казимир оставил чаевые, но немного. Видно, что он живёт здесь давно, подумала я.

Когда мы уходили, дочь хозяина, закутанная в жёлтый хиджаб смуглая девушка лет семнадцати, бросила на меня внимательный взгляд. Наверное, она представила нашу ночь любви, и образ Казимира – европейского рыцаря в чёрном – питал её девичьи фантазии.

Дома он включил свет на просторной веранде, где редко и художественно, на большом расстоянии друг от друга, валялись уютные и элегантные вещи: местные экзотические плоды,

инвентарь для винд-сёрфинга – чёрные эластичные майки и какая-нибудь красная деталь типа шорты, очки; доска у стены, кожаные шлёпанцы; журналы на столике. Было видно, что человек обосновался здесь надолго, и это весь его скарб, его дом, а не отель, где у каждой вещи нет места, всё случайно.

Он прошёлся широкой походкой одинокого и шикарного мужика. Предложил мне выпить вина и покурить травы.

Ночь в пустыне имеет свои цвета: это синий и жёлтый, но разбелённые, покрытые пеленой. Я смотрела на рамы дверей, подчёркнутых ярко-жёлтыми мазками фонарей, и серо-голубые песчинки на фрагментах земли, воздух был густой и прохладный.

Я уселась на матрасы, разбросанные у балкончика, ведущего в сад. Казимир выключил свет и сел рядом, обнаружив своё загорелое бедро рядом с моим, в короткой белой юбке. Я не чувствовала ни малейшего притяжения. Мы курили трубку и тихо вели разговор. Говорил в основном он.

– Я прожил неудачный брак. У меня остался ребёнок в Варшаве. В итоге я здесь уже много лет, занимаюсь спортом. Мне не нужна цивилизация.

– Но как ты зарабатываешь деньги?

– Я состоятельный человек, у меня есть акции и недвижимость.

– Но неужели тебе не скучно?

– Нет, мне очень интересны местные люди.

Тут я задумалась.

– А что за проблемы были с женой?

Казимир уронил лицо на ладони и начал дёргать корни волос у лба.

– Мы не понимали друг друга, она слишком многого от меня хотела. Семья – это так трудно.

– Ты привлекательный мужчина; думаю, многие девушки хотели бы стать твоей женой.

Казимир дежурно кивнул – внимание девушек было по умолчанию не важным.

– Здесь, когда я переживал развод, я упал в воду прямо на морского ежа. Мне под кожу вонзились десятки иголок, я пытался вынуть их все иглой, но кожа загнаивалась. У меня была очень высокая температура, я чуть не умер.

– Тебе было больно?

– Да, но я так хотел забыть всё это.

– Почему ты именно здесь?

– Эти деревенские люди такие невинные. Здесь, в Дахабе – ты видишь, они уже привыкли к туристам, они другие. А наверху, в горах, только чабаны, которые пасут овец и верблюдов, они так умеют радоваться. Они становятся в круг каждый вечер и танцуют. Только мужчины.

– Они приняли тебя?

– Я жил там долго, несколько месяцев. Они привыкли ко мне.

– Как ты им объяснил, что ты там делаешь?

– Я просто подружился с ними.

– Твой чёрный друг на кайтинге оттуда?

– Да.

– Вы давно дружите.

– Да, я вижу с ним каждый вечер.

– И что он говорит тебе, когда вы пьёте?

– Он говорит: Казимир, привези мне белую женщину.

– Они мечтают о белой женщине? – Я засмеялась.

Казимир на моих глазах раздражился. Он отвернулся и накрепко сжал челюсть.

– Это для каждого араба голубая мечта: белая женщина. Это символ успеха.

– Тебя это злит?

– Я этого не понимаю.

– У всего есть причины.

– Тут очень мало женщин. Они женятся так: звонит тётя своим родственникам в чужую деревню. «У меня есть подруга, а у неё знакомая, так у неё есть племянница, вот хорошая невеста вашему младшему сыну». И этого достаточно, это хорошая новость. Дальше родственники едут свататься.

– А как они относятся к геям?

Казимир впервые взглянул мне прямо в глаза.

– Мужчины убивают геев.

– Всё ясно.

Повисла пауза.

– Казимир, ты гей.

Я замерла.

– Меня тянет к мужчинам, – ответил Казимир. – Я не могу ничего с этим сделать. Но я не гей.

– Кто же ты?

Казимир встал и начал перебрасывать цветные подушки с одного места на другое.

– Тебе пора.

– Да, я тоже так чувствую.

– Спасибо тебе за вечер.

– Тебе спасибо.

– Дать тебе фонарик?

– Давай.

– Хочешь косяк?

– Положи в мою сумку.

Я спустилась по ступенькам его шикарной виллы в сад. Фонарик светил слабо, батарейка садилась. Я могла споткнуться; Казимир не провожал меня – я уже выполнила свою функцию, и возиться со мной было лень.

Неожиданно я почувствовала приступ тошноты. Меня вырвало на каменные плиты тропинки. Рвало долго и очень мучительно. Я подумала, что наедаться рыбой после трёх дней голода было ошибкой: я была слишком любопытна. Голова кружилась, я опустилась на корточки и шарила вокруг в поисках растения с листьями наподобие лопуха, чтобы вытереть рот.

Выбравшись за ворота на пыльную земляную дорогу, я бодро зашагала прочь.

Финал был грубоват. Наше свидание определённо шло по чёткому сценарию.

Весь процедурал, ресторан – гости – рефрешинг дринк – занял около двух с половиной часов: шадяще для неудачного свидания.

Я дошла до площади, где дежурили тук-тук такси – джипы с открытым кузовом. Похоже, было ещё не очень поздно.

Я чувствовала себя странно опустошённой, несмотря на то что Казимир был мне симпатичен. Я не хотела его ни минуты, хотя он был красивым человеком, но только внешне. Внутренне он был полон тревоги, как и все люди, постоянно путешествующие, снимающие этими мелькающими картинками, разными климатами какой-то невроз. Они терпят неудачу в социальном проекте на родине. Для Казимира большой точкой оказалась счастливая семья как идеал буржуазного общества.

Передо мной был человек, который не мог принять себя и создавал вокруг бесконечные шекспировские конфликты. Он умирал от страсти к диким мужчинам туземцам, которые могли убить его, если бы узнали, чего он от них хочет. Он посвятил жизнь своей зависимости, разъезжая по глухим уголкам планеты, проживая в горных деревеньках, но утолить свой голод

не мог. Ему нравились бесхитростные парни с открытым сердцем, но глубина их чувств была не для таких девиантов как он. Казимир так и не стал хорошим семьянином, ни мужем, ни отцом. Ему хотелось верить, что женщина виновата в неудаче и той боли, которую принесла семья, хотя его женщине не позавидуешь – она столкнулась со стеной. Буржуазная жизнь – бизнес, деньги – позволяла ему многое, но не удовлетворяла. Он уже делал всё, к чему толкал его зов, но всё ещё не хотел признаться себе, что происходит. Он наказывал себя, падая на морского ежа, выковыривая из загноившихся ран сотню иголок. Чтобы в деревне ничего не заподозрили местные и продолжали подпускать его к себе, Казимир сохранял образ плейбоя – менял девушек как перчатки. Он шёл с новой спутницей в деревенский ресторан, чтобы все видели и пускали сплетни, угощал её, чтобы не было сомнений, что это свидание. Делал ей комплименты и подливал вино. Потом демонстративно шёл с ней по главной улице к дому, а затем проводил дома часа два-три, на самом деле за разговором, но для наружного наблюдения это было несущественно. Потом девушка уходила. Никто с Казимиром не задерживался. Такой вот сложный способ жизни он наворотил вокруг своей проблемы, хотя признать себя гомосексуалистом даже и в сорок пять лет совсем не стыдно, если ты живёшь в Варшаве. Но стыд, табу и запрет были ключами к его жизненной силе, поэтому он стремился в самые опасные для него места на Земле.

Я несла с собой ещё одну историю: портрет мужчины с лицом, закрытым руками, израненного чёрными тонкими иглами морского ежа, вся его кожа была в гнойных нарывах. Почти как моя.

* * *

Этой же ночью мы пошли в сторону пустыни. Освещением служила луна, сегодня она была маленькой и очень резкой. Мы с Шоколадным вышли из клуба подышать и «погулять по пляжу». Присели у небольшого каньона из красной глинистой потрескавшейся земли. Вообще, Синай – он красный. Обожжённая неземным светом земля Ветхого завета.

Мы сидели как звери, дикари, напряжённые животом, готовые к прыжку, уже начавшие брачный танец, но пока мы ещё смотрели на звёзды, плававшие в опрокинутой тёмно-синей плоске.

– Твои губы сводят меня с ума – сказал скрытый темнотой спутник, каждое движение которого я чувствовала через колебание воздуха.

Мы продолжали наш разговор дальше, случайно вспоротый этой фразой. Парня понастоящему крыло, я чувствовала, что парень дрожит, причём какими-то крупными судорогами. Это не было страшно, но позволяло видеть жизнь с самого края.

Здесь жили очень серьёзно, хотя туристы не были такой уж редкостью. Возможно, я совпала с его сексуальной мечтой. У меня были свои плюсы: миниатюрность фигуры, что само по себе инфантильно и, значит, женственно. Светлая прозрачная кожа, которая быстро краснела и никогда толком не загорала, в графичном мире бедуинских опалённых лиц это звучало дерзко. Я часто слышала от местных, что у меня глаза Гурии. Гурии – мифические женщины, ублажающие правоверных мусульман на том свете. Видимо, муфтии показывают пастве изображения этих существ, и до простых людей дошло представление – это мои глаза. Кроме того, я вкусно пахла, пульсировала феромонами и звенела на ветру серёжками. Это был звон другого мира.

Меня так тянуло укусить его руку или лизнуть плечо, приоткрытое майкой, мне пришлось лечь, чтобы сдержаться, и я попросила прикурить мне косяк. Шоколадный прикрыл ладошкой пламя, я затаилась.

В плоске немного задрожали звёзды.

Он тоже лёг, но бесстрашно, пружинисто и уверенно, как будто мы уговорились заранее. И мы полетели.

– Ты делаешь меня horny, – растерянно сказал он, когда мы вернулись. Стало понятно, что он собирается во второе путешествие, и это было достаточно неожиданно.

Говорят, что секс на пляже – это неудобно: везде песок. Но когда дикий пляж переходит в пустыню, вокруг дует прохладный ветер, переносающий перекасти-поле, это что-то другое, не из пошлых туристических мифов. Мне даже нравилось, что под бёдрами у меня мужская кожаная куртка. Я чувствовала лучшие вибрации мира, любовь ко всему существу. Мне кажется, я была такой горячей, что от меня шёл пар. Я поправила одежду. Где-то у дороги промелькнул свет ручного фонаря.

Мой спутник напрягся. Мы услышали обрывок какого-то разговора. Два мужских голоса.

То ли нас накрыла полиция, то ли на женский запах прибежали голодные шакалы.

Мой новый друг помог мне подняться. Движения его стали отрывистыми, он явно спешил. Мы вышли на пустынную дорогу. Две пары ног застучали позади. Нас преследовали. Танцор быстро перекинул через плечо мою кожаную сумку и дал мне короткий инструктаж:

– Держись слева от меня, возьми сумку за ремень. Не останавливайся. Если я буду драться, то развернусь к тебе спиной. Ничего не бойся, их всего двое, я легко их положу.

Стыдно признаться, но я была в таком кошачьем кайфе, что происходящее только возбуждало меня ещё больше. Двое пробуждённых из хтони простучали мимо нас кроссовками. Мой друг оскалился, я честно держалась за сумку. Почему-то это было важно в тактике боя – сумка. Свет фонарика, дёргаясь, ушёл вперёд.

Мне было всё ещё весело, хотя начинали мёрзнуть ноги под короткой юбкой. Голову грели кудряшки, да и на теле был тонкий смягчающий слой девичьего жира.

Я собиралась в гости к русским друзьям, мой спутник проводил меня до ворот их дома.

– Эй, ты даже не попрощаешься со мной? – неожиданно зло крикнул он мне в спину.

– Подожди, но я же сказала «пока». Я ухожу к друзьям.

– Теперь мне всё ясно про тебя.

Восточный мужчина и его оскорблённое достоинство. Я была как ребёнок, объевшийся мороженого, в трансе удовольствия, и молча ушла. Он был прав, но я не скрывала своей сути – в этом была моя сила.

* * *

Журавлёва стояла в сложной йогической асане на голове. Пауло пытался куда-то пристроить множество пасхальных кексов, которые напекла Таня для угощения на сёрферской станции. Их никто не ел. Христианство с его атрибутами на этой земле приживалось плохо. Где-то в пустыне ходили арабы-копты, братья по вере, гонимые мусульманами, но нам они не попадались.

В итоге Пауло забил для меня большой крафтовый пакет этими куличами, с той идеей, что я поделюсь с пассажирами и водителем автобуса маршрута Дахаб-Каир.

– Вам нужно пожениться – заметила я.

– You should speak about it with my lawyer, – парировал Пауло.

– Я лично никогда не выйду замуж, – уверенно сказала я. – Я всё это ненавижу. Эту моногамию, эту матрицу, женские обязанности, потребность быть милой, быть привлекательной, кому это нужно? Это сплошная мука. Люди только притворяются, они никогда не смогут любить другого, почему я должна спать в одной постели с надоевшим, плохо пахнущим человеком и каждое утро слышать, как он сморкается в ванной? Я презираю этот социальный договор. Я буду жить как я хочу. Я буду трахаться с арабами, жрать наркотики и не буду ходить на работу в офис. Это моя программа! Я не умею любить и не буду даже притворяться! Это честно!

Журавлёва с грохотом вышла из асаны на голове, упав на пол. Мы засмеялись.

Я больше никогда их не видела. Журавлёва вернулась в Ейск, а Пауло в Венецию, я следила за ними через Фейсбук.

Когда в шесть часов утра, уже при взошедшем, но пока ещё ласковом солнце я садилась в автобус, я увидела кумушек, они стояли неподалёку от входа в больницу в своих куртках-дутиках и курили сигареты, возле их лиц мелькали длинные ногти, ядовито-зелёные и цвета фуксии. У одной из них был роман с арабским доктором – наверное, сегодня он дежурил. Возможно, они ещё не ложились спать, so do I, какое совпадение. Они лениво касались меня периферийным взглядом, как бы не замечая. Я прощалась с их сонным мирком, уезжая туда, где я была неудачницей и плелась в арьергарде. Водитель помог мне засунуть чемодан в нижнее отделение над колёсами автобуса. Одинокая женщина, которую некому проводить и встретить. Перед моим внутренним взором загорелось табло: счёт с кумушками был три ноль в их пользу.

Я постеснялась предложить пасхальные куличи пассажирам в автобусе, но водитель от них не отказался.

День города

Это был праздник города, когда мой папа спас девушку.

Девяносто пятый год, провинциальный город. Была поздняя осень, выпал первый тонкий слой снега. На улицу в этот вечер отец запретил мне выходить. Мне тринадцать лет, я ходила в школу и на кружки типа баскетбола и художественной школы. Но сегодня меня не пустили и туда.

Папа был очень строгим – мы жили с ним и с бабушкой в просторной квартире на пятом этаже, я в его большой комнате за перегородкой с ситцевой занавеской, бабушка в маленькой, с телевизором и фотопортретом во всю стену моей тёти-фигуристки на выступлении.

Я не могла мечтать о дискотеках в Доме офицеров, куда ходили мои подружки, надевая мини-юбки и густо крася лицо. Денег на нарядную одежду, честно говоря, у меня и не было, мы жили на папин доход врача скорой помощи и бабушкину пенсию. Иногда помогала мама из Москвы, но отец видимо не считал нужным тратиться на мой поиск приключений – именно так он относился к дискотекам и прочим гуляниям.

У меня не было парней, только подруги; вечером я возвращалась из художки на автобусе, и меня уже встречал папа – в девять всегда темнело, а приходить позже мне запрещалось. Исключений не было, а рисковала я наказанием типа порки ремнём или подзатыльника, которое у нас не возбранялось, я старалась до него не доводить.

По главной улице провинциального города шли толпы гуляющих. Движение транспорта перекрыли. Мэрия организовала концерт столичных звёзд на стадионе. Наши окна выходили во двор, и я не могла видеть всего этого великолепия, но до меня доносился гул, расстилалось эхо музыки и пьяные выкрики молодых парней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.